

85,319 (080)
C 6D
A-394581

ВАСИЛИЙ СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ

*Лучшие
песни*

85.319 (ОБЛ)
С 60
85.319.4 (ОБЛ)
+ ОР 85.9

ВАСИЛИЙ СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ

Лучшие песни

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Государственное бюджетное
учреждение культуры

Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. И.К. Крупской

Издательство
«Оренбургская книга»
2023

А-394581

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я прожил с дедом 19 лет. Прежде всего он для меня был просто дедушкой. Когда живешь с человеком рядом, у тебя нет ощущения величия... масштаба фигуры личности. Только, пожалуй, в последние годы его жизни я начал что-то понимать. Чаще всего это происходило на авторских концертах, куда он брал меня с собой. Атмосфера в зале была невероятная, неповторимая. Я ощущал, что все люди, находящиеся в зале, знают эти песни и с удовольствием подпевают артистам, стоящим на сцене. Мне как-то никогда не приходило в голову сесть с ним рядом и просто поговорить «за жизнь». Надо сказать, что люди того поколения, наученные горьким опытом, не любили болтать лишнего. И сейчас, по прошествии многих лет, у меня накопилось миллион вопросов, которые я хотел бы ему задать, но не успел.

Перед вами книга, в которой нет рассказов о творчестве композитора, нет воспоминаний, а только ноты. Василий Павлович сам неоднократно повторял, что «если вы хотите что-нибудь про меня узнать, понять, что я чувствую, о чем думаю, то слушайте мои песни. Там вся моя жизнь и весь я». Так давайте же и мы с вами послушаем еще раз эти песни и попробуем понять, чем жил большой русский композитор.

Я бесконечно благодарен Анне Фатьяновой и Евгению Мокроусову, внукам ближайших друзей и соавторов Соловьева-Седого, без них этой книги не было бы. Это большая удача, что мы дружим, как дружили наши деды, и работаем над их творческим наследием. Ведь самое главное, чтобы помнили.

Эта книга выходит в совсем нелегкое для нашей страны время. Но я верю в то, что, как эти песни помогали выжить в годы самой страшной войны, они так же помогут выжить и сейчас.

ВАСИЛИЙ СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ-МЛ.

УМНОЖАТЬ ВЕЛИКУЮ ТРАДИЦИЮ

Есть люди, которые занимают столь большое место в творческой жизни, что говорить о них очень-очень трудно. Я часто думаю о Василии Павловиче Соловьеве-Седом, как бы держу его образ в душе своей, но вот писать о нем, говорить...

В мою жизнь Василий Павлович вошел, когда я еще и не помышлял о сочинении песен. Было это в первый год войны, в Оренбурге, где Василий Павлович тогда находился. Мои родители жили в одном дворе и дружили с родителями его жены Татьяны Давыдовны Рябовой. Я проходил военную службу в училище зенитной артиллерии и бывал в Доме офицеров на репетициях и концертах Ансамбля песни и пляски Южно-Уральского военного округа. Ансамбль исполнял песни Соловьева-Седого. Он писал для ансамбля, сам напевал свои песни на репетициях. Так я встретился с «богом песни». Иногда «бог» был навеселе, но обаяния не терял. В нем все было необычно, ярко, раскованно, человечно.

Однажды меня на сутки отпустили к родителям; рано утром, возвращаясь в училище, я услышал на улице пение: «Прощай, любимый город...» Каково же было мое удивление, когда из-за угла показались Соловьев-Седой, Фатьянов, Дзержинский — молодые, веселые...

В последующее время не раз приходилось встречаться с Соловьевым-Седым: у его однокашника Николая Минха, в поездках по Казахстану — в 1964 году, по Ставрополю — в 1967 году. Всегда с ним было интересно, весело, он заряжал своей энергией, общительностью, юмором, широкой доброжелательностью, той простотой, которая присуща истинно талантливому человеку.

К песенному творчеству я пришел поздно, в шестидесятые годы, когда уже были известны Э. Колмановский, А. Пахмутова, О. Фельцман, М. Фрадкин. Как-то сразу и неожиданно после работы в других жанрах «открылся» песенный родник; это многих удивило. Тем дороже были мне добрые слова, которыми сразу же отметил меня в своих статьях В. П. Соловьев-Седой. Эта поддержка помогла преодолеть неизбежные опасности первых успехов. Его высказывание, как и оценка Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, назвавшего мою песню «Текстильный городок» блестящим примером городской песни, окрыляли, внушали веру в свои композиторские возможности.

То, что делал Соловьев-Седой в песенном жанре, оказалось мне очень близким. Подражания не было: подражать ему было невозможно. Плодотворно же было следование исходным творческим принципам, великому вдохновляющему примеру.

Не опасаясь преувеличения, скажу так: есть замечательные мастера песни, чье творчество соткано из веяний времени, насыщено его атмосферой. Соловьев-Седой сам создавал атмосферу, смотрел вперед, открывал новые пути, в нем было многое от Шуберта, и его можно назвать советским песенным Шубертом.

Пример Соловьева-Седого показал, что сочинение песни требует высочайшего профессионализма и серьезного, благоговейного отношения к этой работе. Самую простую песенку я сочиняю серьезно. Она может восприниматься легко, но в нее вкладываются немалые силы. Это тоже традиция Соловьева-Седого.

Как-то один из выдающихся композиторов оперной, симфонической музыки, проиграв сборник моих песен, сказал: «Здесь нет лишних нот!» Это была драгоценная похвала. Умение отсекать в песне лишнее, добиваться естественности и простоты — такова мудрая традиция Соловьева-Седого.

Композитор и поэт. Методы их общей работы могут быть разными. Василий Павлович сочинял стихи. Я этого не умею. Ему достаточно было ключевой фразы, чтобы сложилась мелодия. Ему нередко подтекстовывали стихи к уже готовой музыке: так родилась гениальная песня «Вечер на рейде».

Мне обязательно необходим точный, законченный текст. Я в него долго вчитываюсь, вслушиваюсь, не соглашаюсь с поэтами, предлагающими: «Начинай работу, тема, размер есть, а слова подработаю!» Нет и нет! Ведь главное в работе все-таки не начальный импульс, а сама роль стиха, слова, единство поэтического источника и музыки.

Музыка подчас формирует поэтов, как произошло с А. Фатьяновым — соавтором Соловьева-Седого. Опыт убедил меня: поэты с разными композиторами не только работают на разном уровне, но и как бы вживаются в стиль композитора, проникаются мерой его требовательности. Музыка диктует уровень поэтического слова.

Талант композитора-песенника заключается и в способности ощущать потенцию слова. Замечательны стихи А. Межирова, М. Луконина. А песен на них нет. У М. Исаковского каждое стихотворение — песня. В чем секрет?

Соловьев-Седой обладал безошибочным чутьем на слово, нужное песне, и развивал в себе, культивировал подобную чуткость, без которой песне не жить.

Пришло время по достоинству оценить позднее творчество Соловьева-Седого. В эти годы он по сути создает другой жанр. Это уже не массовая песня, но и не романс. Некий гибридный жанр: и песня, и романс, и баллада.

Признание Соловьева-Седого велико, прочно. И все-таки рискну сказать, что он еще недостаточно оценен и изучен. Даже музыканты не разобрались в мелодике, гармониях его песен. Это постижение особенно важно сейчас, когда в пору зачастую кричать «караул» по поводу окружающей нас музыкальной среды и люди должны убирать накопившийся музыкальный мусор.

В песенном творчестве наступило время стандартизации. Традиция становится штампом. Возникла своего рода песенная индустрия. Конечно, талантливые композиторы выделяются и в рамках стандарта, но нет создателей песен, способных на творческий подвиг, подобный подвигу Соловьева-Седого. Потому нет и мощного «соловьевского» направления в песне.

Вина в этом лежит и на исполнителях. Когда отмечалось двадцатипятилетие организации Союза композиторов РСФСР, на конференции вспоминали ушедших мастеров, исполняли их произведения. Как горько и обидно было слышать великолепные циклы В. Соловьева-Седого на стихи Г. Горбовского, спетые небрежно. Певица не только ошибалась (не выучила текст) — она не понимала музыки, которую пела.

К сожалению, мы еще не умеем по-хозяйски распоряжаться завоеваниями — иногда относимся к жанру песни снисходительно и иронично. А ведь есть понятие «советская песня». Жанр, который является идеологическим достижением нашего строя.

В этом труднейшем жанре музыкального творчества, адресованном миллионам, Василий Павлович Соловьев-Седой сыграл огромную историческую роль. На века!

Ян Френкель
1987 г.

А СНЕГ ПОВАЛИТСЯ, ПОВАЛИТСЯ

Слова Е. Евтушенко

Музыкальный фрагмент, обозначенный *Спокойно*. Темп *f*. Музыка записана на двух станах (верхний и нижний). Включены акценты (^) и динамические обозначения *f*.

Музыкальный фрагмент, начинающийся с такта 5. Темп *ppp*. Музыка записана на двух станах. Включены динамические обозначения *ppp* и *p*.

Музыкальный фрагмент, начинающийся с такта 10. Темп *p*. Музыка записана на двух станах. Включены динамические обозначения *p*.

А снег по - ва-ли-тся, по - ва - ли - тся...

14

и я про - чту ве - го кан - ве, что мо - я мо - ло - дость по -

p

This system contains measures 14 through 17. The vocal line is in a 7/8 time signature with a key signature of three flats. The piano accompaniment features a dynamic marking of *p* (piano) at the beginning of measure 14. The piano part includes chords and moving lines in both the right and left hands.

18

ва - ди - тся о - пять за - гля - ды - вать ко мне. И по - ве -

This system contains measures 18 through 22. The vocal line continues with the lyrics. The piano accompaniment provides harmonic support with chords and melodic fragments in both hands.

23

дет ку - да - то за ру - ку, на чьи - то те - ни и ша -

This system contains measures 23 through 26. The vocal line concludes the phrase. The piano accompaniment continues with chords and moving lines in both hands.

28

ги, и во - вле - чёт в ста - рин-ный за - го-вор ог - ней, де-ре -

33

вьев и пур - ги. И мне по-ка - же - тся, по-ка -

38

же-тся по Сре - тен-кам и Мо - хо - вым, что мо-лод

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26